

ВАДИМ СОЛОМОНОВИЧ БАЕВСКИЙ

(Смоленский государственный педагогический университет)
[Антропологический форум. СПб., 2005. № 2. С. 390–397]

Я литературовед, не могу оценивать научную деятельность этнографа и фольклориста К.В. Чистова. Живя с ним в разных городах, встречаясь от случая к случаю, я не претендую на то, чтобы дать здесь его более или менее цельный литературный портрет. Что я в состоянии, так это, не доверяя памяти, предложить читателю россыпь частных фактов, сохранившихся в моем дневнике, в письмах самого Кирилла Васильевича ко мне и в письмах еще двух-трех людей. И еще зарисовку, по необходимости беглую, той замечательной среды, к которой принадлежит Кирилл Васильевич, которую я тридцать лет наблюдал со стороны и которая под давлением времени уходит в прошлое. А дальше — *quod non est in actis, non est in mundo*¹.

Нас познакомил Давид Самойлов летом 1977 г. Он уже год как перебрался из Москвы в Пярну, Кирилл Васильевич с Беллой Ефимовной и мы с женою там отдыхали во время отпуска. С Чистовыми Самойлов был знаком с «до войны», мы с ним познакомились и подружились в конце 1960-х годов.

Кирилл Васильевич и Белла Ефимовна сразу (не то что с первой встречи, а с первых минут первой встречи) стали держаться с нами вполне непринужденно, как будто бы мы давно знаем друг друга. Тут же они нам сообщили, что у них есть двое женатых сыновей, и предложили познакомить их с нашими дочерью и зятем. Я был несколько удивлен такой открытостью и объяснил ее себе тем, что они уже раньше что-то благоприятное знали о нас от общих знакомых; возможно, и Самойлов в своей шуточной манере дал нам какую-то рекомендацию, предрасположившую их к нам. Через 12 лет, в поздравительном письме в связи с моим

¹ Чего нет в документах, того нет на свете.

60-летием, Кирилл Васильевич написал: «*Я обнимаю Вас — без всяких сантиментов — я рад дружбе с Вами и люблю Вас. Дружба в моем возрасте приобретаются не так-то просто и легко, как было в юности*» (25.10.89).

Мысль познакомить наших детей удивила меня. Я представлял себе, что отец может привести пятилетнего сына на детскую площадку и сказать ему, указывая на малыша почище, копающегося в песочнице: «Играй с ним». Но пытаться сблизить молодых людей? Молодежь во все времена отличалась особенной независимостью поведения. Однако, к моему удивлению, желание Кирилла Васильевича и Беллы Ефимовны осуществилось самым полным образом. Готовясь писать этот очерк, я спросил дочь, как все было, и вот что она мне ответила.

«Мите было лет семь, Анечке пять, значит, было это с лишним 20 лет тому назад. Белла Ефимовна и Кирилл Васильевич, узнав у Вас адрес, пришли к нам на дачу в Усть-Нарве, ведя Анечку за лапки, и явочным порядком с нами познакомились, объяснив, кто они такие и откуда про нас знают. Они жили на даче, которую снимали в Усть-Нарве, месяц и с нами общались, а потом уехали, оставив дачу и Анечку Ленке с Юркой, которые тоже с нами сразу решили подружиться. Потом туда же приехали Фима с Ирой и тоже сразу... Ну вот, а там и пошло, вплоть до того, что Кирилл Васильевич давал мне рекомендацию в Союз писателей, а с Беллой Ефимовной мы все подумывали делать немецких экспрессионистов для Литпамятников, да вот не пришлось» (электронное письмо от 02.10.2004). Однажды Кирилл Васильевич мне написал: «*Мы очень рады, что наши дети подружились*» (18.07.84).

Мы с Самойловым иногда переписывались стихами. Чаще всего сонетами. Зимой, узнав, что я побывал в Ленинграде, он в одном из присланных мне сонетов спросил:

Как поживают милые Чистовы?
Все так же ль мил задумчивый Кирилл?
Надеюсь, все в порядке и здоровы
И все полны энергии и сил.
Что говорили? Кто о чем острил?
У нас-то, в Пярну, редки острословы.
И сам я одичал, как гамадрил,
Все только ем вареники да пловы.

Летом мы с Б.Я. Бухштабом, моим старшим другом, замечательным ученым, и его женой Галиной Григорьевной отдыхали в Латвии, а Кирилл Васильевич и Белла Ефимовна опять в Пярну. Самойлов мне написал: *«Здесь тихо. Погода отвратительная. Знакомых не очень много. Приехали милые Чистовы с внуком. Кирилл — благороднейший человек. Привез армянского коньяку, удержавшись его выпить в Ленинграде»* (14.08.78).

Чуть позже, когда, как написал мне Бухштаб, *«опять начался этот досадный длинный перерыв между каникулами»*, от Самойлова уже ко мне домой в Смоленск пришло письмо, начинавшееся несколько меланхолично:

Разъехались Бухштабы,
Уехали Чистовы.
Приятно, что хотя бы
Все живы и здоровы!
(11.09.78)

Бывая в Ленинграде-Петербурге, я всегда старался повидать Кирилла Васильевича и Беллу Ефимовну. Следы некоторых встреч сохранились в моем дневнике. *«У К.В. Чистова я два с половиной часа “держал площадку”, рассказывал о Пастернаке. Кирилл Васильевич получил государственную премию. Половина передается в фонд мира, половину пропивает Совет по присуждению премий in corpore. Звонили Самойлову»* (01.12.81). Что два с половиной часа «держал площадку», записал потому, что быть в центре внимания мне не свойственно. Только теплое, доброжелательное отношение хозяев дома и нескольких гостей заставило меня преодолеть обычное стремление оставаться в тени.

«Вчера вечер у Чистовых. Белла Ефимовна рассказывала о том, как интервьюировала для своей работы над Маяковским Лилу Брик. Катанян стоял возле и следил, чтобы Л.Б. не проговорилась. Имени переводчицы, работавшей в Германии над стихами Маяковского, Л.Б. никак вспомнить не могла, но меню берлинских ресторанов помнила твердо. В переписке Л.Б. с Маяковским, сказала Белла Ефимовна, поражает постоянное требование денег. Л.Б. страстно хотела машину, кончила курсы и на стояла, чтобы Маяковский привез из Парижа «рено». Все три квартиры были построены на деньги Маяковского. В Петровском водке Белла Ефимовна и Кирилл Васильевич заговорили со Шкловским о Л.Б. и ее муже. Шкловский сказал:

– Катанян? Это самый близкий из посмертных друзей Маяковского» (25.11.86).

А вот колоритный рассказ о выдающемся исследователе Некрасова и наших послевоенных государственных порядках, услышанный мною в другой раз. «К.В. Чистов: Гина не брали в аспирантуру (фронтовик, капитан запаса, член партии, окончил с отличием). С трудом пробился к секретарю обкома Кузнецову. После проволочек добился обращения обкома в управление университетов министерства. Получил разрешение поступать в аспирантуру, но только на кафедру зарубежной литературы, не русской. Причем не к руководителю-еврею (Жирмунского Кузнецов отверг). «Вот, к А.А. Смирнову». М.М. Гин рассказал об этом Евгеньеву-Максимову. Тот долго хохотал: «Абрашка Зак!» (22.08.87). Выдающийся германист, исследователь средневековой и ренессансной литературы, знаток Шекспира, около полувека состоявший профессором Петербургского (Ленинградского) университета, Александр Александрович Смирнов был внебрачным сыном еврея-банкира.

После смерти Самойлова я написал небольшую книгу воспоминаний «В нем каждый вершок был поэт». Когда она еще не была опубликована, я, отправляясь в очередной раз в Петербург, захватил распечатку с собой. В дневнике отмечено: «Был у Чистовых, читал записки о Самойлове. Имел значительный успех, даже у маленького Кирюши» (22.09.91). Кирюша — внук Кирилла Васильевича, сейчас отнюдь не маленький. Еще одна совсем лаконичная заметка: «Позавчера у Чистовых. Разговор о Самойлове и его семье» (21.04.93).

Помню, во время прогулки на молу в Пярну, обдуваемый свежим ветром с залива, под звонко-голубым небом, освещенный негреющим солнцем, наслаждаясь радующим глаз видом серебристо-голубовато-черных волн и золотисто-сероватого песка на пляже, не особенно выбирая дорогу среди валунов, из которых сложен мол, Кирилл Васильевич увлеченно рассказывал мне о... о чем бы вы думали? В такую минуту? О Жирмунском. О том, как Пропп пришел к нему с рукописью «Морфологии сказки», и он в качестве председателя отдела искусств ГИИИ подписал эту книгу к печати. Как эффективно Жирмунский участвовал, неожиданно для диалектологов-русистов, в составлении диалектологического

атласа русского языка. А в виде некоторого обобщения Кирилл Васильевич сказал:

– Знаете, чем Виктор Максимович отличался от нас с вами? Когда мы в своих занятиях переходим от одной темы к другой, предыдущая работа у нас помнится смутно, забывается. А у Виктора Максимовича все, чем он на протяжении жизни занимался, все постоянно было в памяти наготове.

Когда мы долго не встречались, Кирилл Васильевич информировал меня о событиях научной жизни Ленинграда-Петербурга в письмах. Вот пример. *«Из здешних новостей — 6 февраля защищает докторскую А. Лавров «А. Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность»». А позавчера рекомендована к защите докторская А. Байбурина «Проблемы семиотики традиционной культуры» (18.01.95).*

Случилось так, что я был в Ленинграде, читал лекции в Герценовском, когда в университете на кафедре русской литературы состоялось заседание, посвященное памяти М.К. Азадовского. Кирилл Васильевич и другие мои ленинградские друзья пригласили меня прийти, и это событие навсегда запечатлелось в моем сознании (и дневнике). Встреча была назначена не в помещении кафедры, а в большой аудитории. Собрались, расселись, ждем начала, а слушатели все прибывают. Пришлось переходить в зал. И зал наполнился до отказа, но проходить уже было некуда. Организатором этого события был Кирилл Васильевич. Когда все кончилось и я выражал ему свое восхищение, он сказал: «Я пригласил участвовать Ю.М. Лотмана и Г.А. Бялого. И, когда они согласились, понял, что все будет хорошо».

Действительно, эти два оратора говорили блестяще. Как, впрочем, другие некоторые. Но я в соответствии с темой настоящего очерка привожу только начало записи в моем дневнике. *«В университете совершенно своеобразная атмосфера, которую я отчасти ощутил в феврале на Чтениях памяти Жирмунского. К сожалению, тогда я ничего не записал. Ленинградский ученый мир связывает столь многое: учение в университете на филологическом факультете у неповторимо блестящей плеяды учителей; война; блокада; неправые гонения 30-х и, особенно, конца 40-х годов; родственные связи. Седые головы, обмен книгами, изысканная вежливость, учтивость; точно знают, кто что знает, кто чего стоит — а знают много, дорогого стоят».*

Чистов рассказал, что из спецсеминара Азадовского вышло пять книг — сборников фольклора, подготовленных студентами, два сборника научных работ, еще три книги не вышли из-за

начавшейся войны. Сборник Новикова был включен в список обязательной литературы, которую он как студент должен был к выпускному экзамену усвоить. «Ты номер 27 по списку выучил? — с показной заботливостью шутя спрашивали у него соученики. — Смотри, а то не сдашь». Номер 27 был его собственный сборник» (17.12.78).

Несколько позже я сделал в дневнике еще одну запись, дополняющую предыдущий абзац о неповторимой университетской атмосфере. Она представляет собой некоторое обобщение впечатлений о моих старших друзьях или более далеких знакомых. Они у меня перечислены: Б.Я. Бухштаб, Л.Я. Гинзбург, Б.Ф. Егоров, А.В. Македонов, Б.Н. Путилов, С.А. Рейсер, К.В. Чистов, Е.Г. Эткинд. С В.М. Жирмунским я знаком не был, с Д.С. Лихачевым был знаком слишком мало. Запись моя озаглавлена «Научная элита», она довольно велика, так что приведу только самое существенное.

«Главное в них — надежность. Во всем. В науке — близкое к исчерпывающему знание своего предмета. Не просто уровень мировых стандартов — они-то и устанавливают этот уровень, определяют его. Западно-германский лесковед приехал встретиться с Борисом Яковлевичем. Он был в больнице. Я предложил встречу с кем-либо другим, но он отказался — посидел в архивах и уехал. Бухштаб ему нужен или никто. Если нужна справка — откуда эта цитата? — из Москвы звонят Рейсеру или Бухштабу.

Надежность житейская. Они во многом могут помочь и всегда готовы помочь. Нет, не готовность помочь, а стремление помочь. Преданность друзьям.

Надежность этическая.

Изысканная вежливость, корректность. “Дама”, не “женщина”.

Точность мышления и речи не только в науке.

Личное мужество перед лицом боли, болезни, смерти.

Живой интерес к общественной жизни, к международной политике.

Нет глубокого интереса к музыке, театру, живописи. Но С.А. Рейсер — знаток архитектуры Ленинграда.

Арелигиозность полная» (17.06.83; 19:30).

Кирилл Васильевич привлек меня к участию в двух больших петербургских научных встречах. Одна из них — Чтения памяти В.М. Жирмунского — упомянута выше. Другая связана с именем Б.М. Эйхенбаума. В 1986 г., когда исполнилось 100 лет со дня его

рождения, в Ленинградском университете, в Пушкинском Доме, в Ленинградском отделении Союза писателей (в тех учреждениях, где его травили как космополита) прошла многодневная и многолюдная научная конференция, посвященная памяти ученого. Я прочитал на ней доклад «Б.М. Эйхенбаум — исследователь стиха». Суть его состояла в том, что некоторые утверждения Эйхенбаума, опиравшиеся на наблюдения и анализ, я проверил с помощью статистики. Наши доклады опубликованы не были, а сам я свой доклад не напечатал: мой большой друг С.А. Рейсер сделал мне существенное замечание, опиравшееся на устные суждения Эйхенбаума (Рейсер был секретарем его семинара); следовало текст доклада пересмотреть, меня отвлекли другие дела. Недавно я получил предложение опубликовать статью об Эйхенбауме у нас в Смоленске. (Эйхенбаум родился на Смоленщине. Не в Смоленске, как написано в замечательной во многих отношениях книге Дж. Кертиса «Борис Эйхенбаум: Его семья, страна и русская литература» [СПб.: Академический проект, 2004], а в уездном городе Красном, где его отец успешно служил врачом земской больницы.) Я отыскал в своем домашнем архиве текст доклада, пролежавший 17 лет, доработал его, и в течение ближайшего месяца он должен выйти в свет.

Другую мою чем-то похожую работу опубликовал Кирилл Васильевич. Подход В.Я. Проппа к изучению волшебной сказки совмещает большую научную идею с убедительной методикой мифологического и обрядового материала. Но мне давно казалось, что в своем изучении инварианта фабулы волшебной сказки В.Я. Пропп остановился несколько рано. Он даже не поставил вопрос о частотности каждой из 24 функций от А до С*; между тем по этой характеристике они сильно различаются. Мои подсчеты показали, что доминантами фабулы являются 8 функций. Положительные доминанты принадлежат завязке, отрицательные — развязке и связаны, прямо или косвенно, с ложным героем. Частотность функций от начала фабулы к концу имеет ясно выраженную тенденцию к убыванию. Поскольку начало в сознании обычно связывается с причиной, а конец — со следствием, фабулу волшебной сказки можно рассматривать как древний механизм для исследования причинно-следственных связей. Кирилл Васильевич и Б.Н. Путилов без возражений приняли и опубликовали мою работу (Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984). Впоследствии я включил ее в качестве отдельной главы в мою монографию «Лингвистические, математические, семиотические и ком-

пьютерные модели в истории и теории литературы» (М.: Языки славянской культуры, 2001).

В другой раз, зная, что я занимался пословицами, Кирилл Васильевич заказал мне рецензию на книгу М. Kuusi «Proverbia septentrionalia» («Северные пословицы») (Helsinki, 1985). Она была опубликована в «Советской этнографии» (1987, № 6), работать над нею мне было интересно.

Занимаясь Пастернаком, я был поражен яркостью и интенсивностью проявления обрядовых и мифологических тем, образов, символов, мотивов в его лирике. Это сейчас на такие темы пишут много, а тогда в этой проблематике, как и в стиховедении, соседей в науке у меня было мало. Подготовив статью, я отправил ее в «Известия АН. Серия литературы и языка». Главным редактором журнала был академик Г.В. Степанов. Для него, как и для меня самого, описанные мною факты и их интерпретация оказались неожиданными. Он пригласил меня приехать к нему в Москву, у нас состоялась полезная для меня беседа. Самый важный вопрос, который мне был задан и который мы обсуждали, — насколько сознательно вносил Пастернак в свои стихи мифологические представления? После нашей встречи статья была опубликована (1980, № 2) с осторожным подзаголовком «Опыт прочтения».

Встретившись с настроженным вниманием Степанова и некоторых других коллег, с которыми удалось поговорить об этой моей работе, я был обеспокоен тем, насколько убедительны мои результаты, насколько обоснованы мои выводы. Я попросил Кирилла Васильевича устроить мой доклад в Институте этнографии. Теперь, перебирая его письма ко мне, я с раскаянием вижу, что изрядно поморочил ему голову. Ему пришлось предпринимать некоторые маневры, *«чтобы у нас кто-нибудь не фыркнул, что мы занимаемся не своим делом»* (29.01.79). А я, не сознавая, что усугубляю трудности, еще попросил Кирилла Васильевича согласовать дату моего доклада с В.Е. Холшевниковым таким образом, чтобы я в этот приезд прочитал доклад и у него в стиховедческом семинаре в Пушкинском Доме: прошло уже пять лет после того, как я защитил докторскую диссертацию по теории стиха, и у меня накопился новый материал.

Вспоминаю с благодарностью, что Кирилл Васильевич все организовал наилучшим образом. Я заранее познакомил его с текстом статьи, отданной в «Известиях АН», и он прислал мне свои соображения. Отчасти выяснилось то, чего я опасался: он указал на *«промашки с точки зрения фольклориста»*, на утверждения, выг-

лядевшие «не очень убедительно». А дальше написал: «Главный же для меня вопрос: как следует идти к цели — сперва выделяя у Пастернака “мифологические и ритуальные элементы”, а потом выясняя их историко-литературный контекст и план, устанавливая, пришли ли они к Пастернаку “прямо” или через толщу литературной и всякой иной традиции — или наоборот? Это спорно» (29.01.79). Этот вопрос если и не совпадает по смыслу с вопросом, поставленным передо мною Степановым, то тесно с ним связан.

Кирилл Васильевич договорился с Б.Н. Путиловым, и 20 марта 1979 г. состоялся мой доклад, как звучало официально, «на объединенном заседании восточно-славянского сектора и группы общих проблем Ленинградской части Института этнографии АН СССР». У меня в дневнике записано: «Доклад в Институте этнографии не вызвал бурного обсуждения, но все восемь высказываний были в поддержку моей работы по существу, с некоторыми поправками» (27.03.79). Приведенное выше в отрывках письмо Кирилла Васильевича и обсуждение доклада в Институте этнографии оказались мне необыкновенно полезны. Они увеличили мою осторожность в работе с мифологической, обрядовой и фольклорной проблематикой. С тех пор уже у меня вызывают недоверие поспешные, недостаточно обоснованные, а то и вовсе не обоснованные утверждения в этой области.

А 22 марта состоялся важный для меня мой доклад в Пушкинском Доме в группе стиховедения.

Дорогой Кирилл Васильевич! Вслед за поэтом «желал бы я тебе представить залог, достойнее тебя». Но, подчиняясь многим обстоятельствам, приходится ограничиться сказанным. Будьте счастливы!